

П. Н. ЛЕПЕШИНСКИЙ В БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1918—1919 гг.

М. Ф. МЕЛЬНИКОВ

...1918 год. Восточная Могилевщина переживает трудное время. То тут, то там происходят беспорядки. Кое-где крестьяне, провоцируемые кулаками и их эсеровскими идеологами, поддерживали контрреволюционные восстания. Особенно острый характер приняла классовая борьба в селах Кормянской волости Рогачевского уезда.

В сентябре 1918 г. из Москвы туда приехал известный деятель Коммунистической партии Пантелеймон Николаевич Лепешинский с небольшой группой коммунистов. Будучи уроженцем села Литвиновичи Кормянской волости, Лепешинский решил здесь провести «опыт культурной работы в деревне». Эту поездку он согласовал с В. И. Лениным. «С благословения Ильича,— вспоминал он впоследствии,— я уехал в провинцию»¹.

Свою деятельность П. Н. Лепешинский начал с создания в Литвиновичах первой советской опытно-показательной школы-коммуны. Преподавание было построено на новых началах, которые выработал к тому времени Народный комиссариат по просвещению, руководимый А. В. Луначарским и Н. К. Крупской. Большое внимание уделялось истории революционной борьбы, политической грамоте. Кроме того, введен был физический труд — освоение слесарного, столярного, лудильного дела, обучение кройке и шитью. Силами учителей и учеников осуществлялось строительство школьного интерната. Школа явилась одним из важных очагов распространения большевистских идей среди крестьянства. Поэтому кулаки не раз пытались сжечь ее, угрожали расправой юным коммунарам и едва не привели в исполнение свои кровавые замыслы во время кулацкого восстания в Корме.

Лепешинский возглавил кормянскую партийную организацию, которая еще до его приезда вела борьбу против контрреволюции, выдвинув из своей среды ряд бесстрашных борцов с вооруженными силами кулачества. Однако часть местных коммунистов была еще политически недостаточно грамотной. Поэтому вполне закономерной явилась выдвинутая Лепешинским идея о создании партийной школы в волостном центре — Корме. П. Н. Лепешинский, старый большевик, участник идейной борьбы против меньшевиков, эсеров и других врагов ленинизма, человек, прошедший большую и суровую школу политической борьбы под непосредственным руководством В. И. Ленина, давал своим слушателям много интересного, ценного, злободневно важного. На занятия партийной школы приходили товарищи из уездного центра — Рогачева. Авторитет школы был высок.

Развернулась деятельность и по организации внешкольного образования в селах Кормянской волости. Вечера и доклады для населения, открытые споры, разгоравшиеся на этих вечерах между Лепешинским и кулацкими запевалами, приносили немалую пользу рядовым крестьянам. Показательно, что лекции на научные темы, как правило, завершались горячей полемикой по животрепещущим политическим вопросам современности. Идет, например, в Литвиновичах лекция П. Н. Лепешинского об источниках энергии на земле, или лекция О. Б. Лепешинской о гигиене. Но вот в конце сами слушатели переводят разговор на актуальные политические темы. Их очень интересовал вопрос об организации комитетов бедноты.

¹ П. Н. Лепешинский, Вокруг Ильича, М., «Пролетарий», 1926, стр. 206.

Лепешинский объясняет, что право на высокое, почетное звание членов организации бедноты имеют лишь настоящие труженики, которые не знали просвета в своей прежней жизни, которые ныне активно борются за свои права, за свою трудовую власть, за счастливое завтра. В этот момент кто-то из кулаков или их приспешников кричит из задних рядов: «Среди нас нет богатых. Помещики были богатыми. Мы все бедные». Докладчик, сам прошедший детство в деревне и никогда не терявший с ней связи, убедительно доказывает, что здесь имеются и бедняки, и середняки, и кулаки. Беднота поддерживала Лепешинского. Иначе к нему относились кулаки. Раз даже прямо сказали ему: «Эх, Пантей, Пантей, приехал бы ты к нам попом — мы тебе бы руки целовали. А коммунистом приехал — пулю в лоб жди»².

Но старого коммуниста, знавшего и Петропавловскую крепость, и Сибирь, активного участника революционной борьбы с 80-х годов прошлого столетия, нельзя было устроить угрозами. Он продолжал свое благородное дело.

Главные же трудности пришли позже, когда Лепешинский и его товарищи (в том числе и неизвестный нам матрос) заговорили о создании сельскохозяйственных коллективов-коммун. Пять человек записались в коммуну, остальные выступили против. Распускаявшиеся кулаками слухи о том, что в коммунах будет введен «казарменный режим», все станут «хлебать щи из одного котла», что «жен будут распределять», а у мужика «отнимут все имущество» отпугивали крестьянскую массу. Рано еще, пожалуй, было поднимать в этом крае вопрос о коммунах. «Стоило только нам заговорить с нашей крестьянской беднотой о социализме и о деревенских коммунах, — писал позднее Лепешинский, — как мы весьма быстро почувствовали себя одиночками и изолированными»³.

В начале 1919 г. П. Н. Лепешинский приехал в Москву, чтобы проинформировать В. И. Ленина о положении на Могилевщине. Владимир Ильич с глубочайшим вниманием слушал своего старого соратника. Рассказав подробно о жизни белорусской деревни, Лепешинский перешел к изложению своих планов социалистического переустройства. И вот тут он в смущении осознал свою неоправдываемую поспешность в организации коммун. «Когда же я перешел к «выводам», — вспоминает П. Н. Лепешинский, — и стал философствовать на тему о том, какой политики нам следовало придерживаться в крестьянском вопросе и как плановым образом направить крестьянское хозяйство по социалистическому руслу, Ильич... замкнулся в себе и получила очень односторонняя «беседа»: я говорил, а он только слушал и молчал. Помню, что я стал чувствовать по этому поводу большую неловкость и, наконец, не вытерпев, воскликнул:

— Что же Вы, Ильич, ничего не скажете? Ведь есть же у Вас свое мнение на этот счет?

— Нет, — коротко и смиренно ответил Ильич, причем я не настолько лишен чувства смешного, чтобы не оценить юмористического смысла и значения этого маленького, но убийственного «нет».

Я поспешил «свернуться» и скоро распрощался с Ильичем»⁴.

И еще одна деталь той памятной встречи с Лениным. Во время беседы о жизни деревни В. И. Ленин вдруг спросил П. Н. Лепешинского: какое общественное и должностное положение он занимает в Белоруссии. Пантелеймон Николаевич смутился. Раньше он был членом коллегии Наркомпроса, а потом по своей инициативе поехал на работу в деревню. Понятно, что вопрос Ленина застал его врасплох. Лепешинский ответил, что ведет работу, отдавая ей все силы, что в уездном и губернском центрах с ним считаются, спрашивают иногда совета по тому или иному вопросу.

День или два спустя Н. К. Крупская пригласила Лепешинского на совещание по вопросу внешкольного образования. Выступавший там Владимир Ильич сказал приблизительно следующее: «В Советской России не должно быть чванного чиновничества. Можно совершенно не быть крупным должностным лицом, и все-таки энергично выявлять свою творческую инициативу и свою энергию на живом общественном

² Эти факты сообщены автору очевидцами и участниками событий О. П. Лепешинской и М. И. Керножицким.

³ П. Н. Лепешинский. Что делать? «Социалистическое строительство», 1919 № 3, стр. 6.

⁴ П. Н. Лепешинский. Вокруг Ильича, стр. 208—209.

деле, завоевывая симпатии и уважение со стороны окружающих работников, которые, быть может, тем охотнее воспримут все поучительное, что может дать им неглупый и честный советский или партийный работник, чем менее он будет стремиться производить на них во что бы то ни стало впечатление «высокопоставленностью» своего положения»⁵.

П. Н. Лепешинский был глубоко взволнован этой речью Ленина. Он чувствовал, что великий учитель своими словами хочет поддержать тех, кто честно трудится на любом посту. Тем самым В. И. Ленин высоко оценил работников, успешно выполнявших свое дело в деревне.

В феврале 1919 г. Лепешинский возвратился в Кормянскую волость с горячим желанием вести борьбу с кулачеством до конца. Между тем обстановка в Могилевской губернии накалялась. Готовилось контрреволюционное восстание, которое вошло в историю под именем «стрекопытовского». Оно началось в конце февраля 1919 г. Мятежники во главе с офицером Стрекопытовым захватили Гомель и учинили кровавую расправу над коммунистами. И в Рогачевском уезде было неспокойно. Главари кулацких банд эсеры А. Кодуцкий и Ф. Короткевич развили бешеную деятельность. Они отпечатали и распространили по селам листовку, в которой призывали своих единомышленников 10 марта 1919 г. всем идти с оружием в Корму «бывать коммунистов».

В Корме стоял отряд из сорока красноармейцев и никто из местных советских работников не придавал особого значения этой угрозе. А напрасно. Утром 10 марта в Корме собралась огромная толпа крестьян. Среди них шныряли вооруженные бандиты, на конях разъезжали Кодуцкий и Короткевич, подстрекая крестьян громить волостной ревком и убивать коммунистов. Первыми начали нападение вооруженные бандиты. Несколько милиционеров во главе с эмиссаром пограничной полосы И. Абатуровым оказали им сопротивление. Абатуров, являвшийся одновременно одним из руководителей Кормянского ревкома, был убит. Погибли начальник милиции М. А. Ильшенко, милиционер-коммунист Ф. Давыденко. Тяжелые ранения получили два других милиционера.

Разгромив Корму, мятежники решили направиться в Литвиновичи, чтобы расправиться с П. Н. Лепешинским и его соратниками, уничтожить школу-коммуны. Однако из Рогачева быстро пришла помощь. Ученик Лепешинского и друг его семьи, юный комиссар воинской части, бывший латышский стрелок Адольф Циммерман⁶ привел в Корму отряд красных бойцов. Короткевич и Кодуцкий успели бежать. На городской площади собрались сотни людей. В большинстве своем это были захваченные участники мятежа. Они со страхом ждали решения своей судьбы. А их судьбу решали коммунисты во главе с П. Н. Лепешинским и А. Циммерманом.

С речью выступил А. Циммерман. Он обращался к тем, кто позволил себя обмануть. Как вспоминают И. М. Антоненко и другие очевидцы, многие плакали, слушая речь этого удивительно талантливого оратора. Свое выступление Циммерман закончил призывом к рядовым участникам восстания делом, трудом, борьбой с врагами Советской власти искупить свою вину⁷.

Собравшиеся ждали, что скажет теперь Лепешинский. Но митинг был закончен. Значит, Лепешинский согласен с комиссаром. Значит казнить всех мятежников не будут. Облегченно вздохнули обманутые кулаками крестьяне. Они чувствовали свою тяжкую вину перед Советской властью, и горьки были ее искупить.

Так, под руководством П. Н. Лепешинского было ликвидировано контрреволюционное восстание в Кормянской волости.

Выражением ленинского отношения П. Н. Лепешинского и его соратников к поданному кулацкой провокации трудовым массам крестьянства было воззвание «К гражданам Кормянской волости», выпущенное после ликвидации мятежа Рогачевским уездным исполнительным комитетом и комитетом Кормянского волостного объединения РКП (большевиков)⁸. Напомнив о событиях, имевших место в Корме,

⁵ П. Н. Лепешинский. Вокруг Ильича, стр. 210.

⁶ А. Циммерман вскоре погиб во время белогвардейского восстания в Рогачеве.

⁷ Воспоминания И. М. Антоненко (находятся у автора заметки).

⁸ Этот документ находится у автора заметки.

где темная толпа, подстрекаемая кулаками, убивала коммунистов, составители воззвания писали: «Кто остается в выигрыше от чудовищного преступления? Неужели тот несчастный, у которого «в клетки хоть шаром покати», которому нечем заткнуть голодные рты своих ребятишек, у которого жалкая коровенка или последняя кляченка подыхает от бескормицы — неужели он заинтересован в том, чтобы кулакам удалось уничтожить в нашей Советской республике партию революционного пролетариата, то есть партию коммунистов?» Далее подчеркивалась тщетность усилий организаторов мятежа распространить свое влияние за границы Кормянской волости: «Неужели... богатей, кулачишка, деревенский паук серьезно мог рассчитывать на то, что объявленная им против Советской власти «война» выйдет за пределы Кормянской волости и разрастется в мировой пожар контрреволюции? Неужели он, безумец, думал своим дерзким вызовом, брошенным Советской власти, остановить победный ход Всероссийской революции?» В заключение говорилось: «Нужно вспоминать, нужно гневным словом возмущения и протеста не дать уснуть преступной совести безумцев, нужно раскрывать их глаза, нужно пробудить их спящий ум от вековой дремоты, нужно заставить их сделать правильную оценку того, что случилось».

